

Айдар Султанов¹

Европейские стандарты и уроки истории: через призму процессов об ограничении свободы выражения мнений и свободы совести.

Урок 60-х XX века

«Свобода граждан охраняется законом».
Как это понимать «свобода»? Кому «свобода»?
Куда, зачем, какая требуется «свобода»
в свободном государстве?! Значит, им нужна
свобода продавать родину. Торговать людьми оптом
и в розницу, как при рабовладельческом строе,
свобода закрывать школы, больницы
и открывать церкви по указке Ватикана
и жечь на кострах инквизиции представителей науки,
как они уже сожгли однажды Джордано Бруно...
Не выйдет! Не позволим!...»
А. Терц (Синявский) «Любимов»²

Публикация этой повести привела А.Д. Синявского за тюремную решетку. Именно процессом Синявского и Даниэля³ в 1966 году в СССР начался новый виток преследования за идеи. Здесь видно, как даже фраза «свобода граждан охраняется законом» могла быть истолкована как антигосударственная пропаганда, которую нужно запретить.

Повесть «Любимов» – вообще-то фантастическая, но полностью оправдалась в действительности: Синявского его привлекли к уголовной ответственности именно за то, что его произведения были истолкованы как антисоветская пропаганда. Повторимся: не за антисоветскую пропаганду, а за то, что его произведения были истолкованы, как антисоветская пропаганда.

В ходе этого печально известного процесса абсурдность обвинения была очевидна не только правоведам. Так, в одном обращении в Мосгорсуд была сделана попытка донести до суда, что «произведения искусства следует рассматривать не с точки возможного субъективного истолкования кем-то, а с точки зрения их действительного объективного содержания»⁴.

Но, к сожалению, надлежащие уроки из этого процесса так и не были извлечены. Ведь даже некоторые современные истолкователи – «эксперты»⁵ – не далеко ушли от подобного метода истолкования. Один кандидат философских наук, проводя в 2009 году

¹ А.Р. Султанов – начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим», судья Третейского энергетического суда, член Ассоциации по улучшению жизни и образования.

² А. Терц (Синявский). «Любимов» // Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М. 1989. С. 362

³ Процесс о привлечении к уголовной ответственности двух писателей за их произведения; этот процесс также рассматривают, как конец периода оттепели и начало ужесточения тоталитарного контроля. Подробнее об этом процессе см. кн.: Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М.1989.

⁴ Яковсон А. Письмо в московский городской суд // Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М. 1989. С. 150

⁵ Не хотел бы, чтобы данное предложение было истолковано, как критика в отношении всех экспертов, или социальной группы «эксперты» (проблема толкования термина «социальная группа» вызвана неопределенностью закона), поскольку автор не может не выразить свою благодарность тем экспертам, чтение экспертиз которых вызывает уважение к их работе благодаря их методологически и научно обоснованным текстам.

экспертизу лозунга «Свободу не дают, ее берут», почти процитировал повесть Синявского: «Если лозунг: “Свободу не дают, ее берут” является верным с позиций правозащитника, то возникают правомерные вопросы: “Кто и зачем собирается “брать” свободу?”, “У кого и почему ее необходимо “брать”?”, Кому и в каких целях понадобилась “дополнительная” свобода?”»⁶

Урок XVI века

Упомянутый Синявским итальянский монах Джордано Бруно был обвинен в ереси, в том числе за его веру в реинкарнацию и бесконечные миры. Хотя в советское время утверждалось, что он был сожжен как ученый-материалист, однако католическая Церковь всегда утверждала, что он был осужден как беглый монах, еретик. В настоящее время материалы процесса суда над Джордано Бруно⁷, так же, как и его книги, доступны в Интернете.

Из материалов процесса видно: Дж. Бруно утверждал, что никогда не писал и не выдвигал еретических положений, они злостно измышлены слугами святой службы. Он был готов дать отчет во всем, что писал и говорил, и защищаться от каких угодно богословов...

В ходе «расследования» было очевидно лишь одно желание инквизиции – получить согласие Бруно с предъявленными ему обвинениями, можно сказать, он был осужден еще до суда, мнение о его виновности было уже сформировано, факты были не важны. Так и не согласившись с предъявленными ему обвинениями, он был лишен сана и отлучен от церкви. 8 февраля 1600 года инквизиционный трибунал своим приговором признал Бруно «нераскающимся, упорным и непреклонным еретиком», все его книги были приговорены к сожжению и внесены в список запрещенных книг. Сам он был сожжен через 9 дней⁸. Он был уверен, что казнь лишь освободит его от бренного тела и в ответ на приговор заявил судьям: «Быть может вы произносите приговор с бóльшим страхом чем я его выслушиваю».

Процесс Джордано Бруно, на наш взгляд, должен был бы дать нам урок, заставить понять, что в цивилизованном обществе преследование за инакомыслие недопустимо. Что репрессиями с идеями нельзя бороться, равно как нельзя запретить иметь убеждения, отличные от убеждений большинства. Даже если идея не нравятся большинству, она может быть истинной, отражать реальное положение вещей. Так, например, мысль Дж. Бруно об устройстве солнечной системе и наличии бесконечного количества звезд и планет в настоящее время воспринимается как общеизвестный и неоспоримый факт, а отрицание их связывается с невежеством и мракобесием.

Урок начала XXI века

Прокурор Северного административного округа г. Москвы обратился в суд с представлением о ликвидации и запрете деятельности «Религиозной общины Свидетели Иеговы в г. Москве».

В обоснование представления прокурор ссылался на то, что в литературе, печатных изданиях, распространяемых Московской общиной, содержатся признаки разжигания религиозной розни, то есть действий, направленных на осуществление экстремистской деятельности; а также на вовлечение подростков и детей в деятельность организации и т.д.

⁶ <http://newzz.in.ua/main/1148832989-prizyvy-k-svobode-priznali-jekstremizmom.html> (дата обращения 15.08.2010).

⁷ http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Bruno_Process.php (дата обращения 15.08.2010).

⁸ http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Bruno_Process.php (дата обращения 15.08.2010)

Суд, рассмотрев представление, пришел к следующим выводам: «каких-либо фактов умышленного разжигания религиозной розни, фактов призывов к дискриминации, вражде или насилию, принуждению к разрушению семьи, посягательства на личность, права и свободы граждан... прокурором не представлено и судом не установлено... Суд приходит к выводу о том, что нет никаких оснований для ликвидации и запрета деятельности религиозной общины Свидетелей Иеговы в г. Москве, так как не было установлено, что данная община в г. Москве нарушает Конституцию РФ и законы РФ, разжигает религиозную рознь, принуждает к разрушению семьи, посягает на личность, права и свободы граждан; склоняет к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии».

Но по протесту прокурора 30 мая 2001 года Московский городской суд отменил решение от 15 июля 2001 года и направил дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Московский городской суд указал, что районный суд дал неверную оценку обстоятельствам дела и следует назначить повторную комплексную судебную экспертизу для устранения имеющихся противоречий.

При новом рассмотрении Головинский районный суд г. Москвы от 26 марта 2004 года вынес решение, в котором, в частности, было указано, что «... по заключению религиоведов Овсиенко Ф.Г., Галицкой И.А., членов экспертной комиссии, составивших комплексное заключение, литература, распространяемая религиозной общиной г. Москвы, содержит взгляды и идеи, подрывающие уважение к другим религиям. Наличие в литературе критических высказываний в адрес других конфессий подтвердили и другие религиоведы, в частности Гордиенко Н.С., Шабуров Н.В., специалисты Института религии и права, Иваненко С.И.⁹ В результате анализа содержания и понимания текстов психолингвист и лингвисты пришли к выводу о том, что в представленной на экспертизу литературе деятельность существующих религиозных организаций оценивается отрицательно... *В то же время суд не установил доказательств, подтверждающих факты каких-либо конфликтов на религиозной почве, спровоцированных членами религиозной общины Свидетелей Иеговы г. Москвы.* (Кусив мой. – Авт.) В соответствии со ст. 17 Конституции РФ и традиционно сложившимся многоконфессиональным укладом в России гарантируется право человека выбирать, исповедовать выбранную им религию, убеждать окружающих в правильности своей веры, свободно выражать свое мнение по поводу других религиозных предпочтений. Суд находит недоказанным наличие в деятельности религиозной общины в г. Москве признаков экстремистской деятельности в форме разжигания религиозной розни с *призывами к насильственным действиям*».

Суд, хотя и склонялся инициаторами процесса к вынесению суждения об экстремизме религиозной литературы Свидетелей Иеговы, все же в отсутствие каких-либо фактов, подтверждающих наличие конфликтов на религиозной почве, спровоцированных членами религиозной общины Свидетелей Иеговы г. Москвы, не стал выносить суждения об экстремизме, что, однако, не помешало ему принять решение о ликвидации религиозной организации и о полном запрете ее деятельности.

Надо отметить, что данное решение¹⁰ явилось основанием для обращения в Европейский Суд по правам человека и судебного разбирательства в ЕСПЧ, закончившегося вынесением важного Постановления ЕСПЧ¹¹, которое будет прокомментировано чуть ниже.

⁹ Надо отметить, что суд весьма кратко воспроизвел выступления религиоведов, используя лишь то, что, по мнению суда, ложилось в канву судебного решения.

¹⁰ По крайней мере, последующая практика подтверждает предположение, что изменение законодательства и последующая практика преследования Свидетелей Иеговы имеют определенную взаимосвязь.

¹¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года доступно в сети Интернет по адресу : <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2923> (дата обращения 15.08.2010).

Последствия судебного решения

В Федеральном законе от 27.07.2006 № 148-ФЗ, которым были внесены изменения в федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» понятие экстремизма было расширено: в предложении, в котором давалось определение экстремистской деятельности как «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни» было удалено «связанной с насилием или призывами к насилию».

После того как из закона исчезло упоминание, что деятельность, относимая к экстремистской, должна быть связана с насилием или призывами к насилию, сразу же возникло предположение, что утверждение об истинности религиозного учения, и ошибочности других религиозных учениях может быть истолковано, как проявление экстремизма.

Тем более что после исключения из критерия отнесения деятельности к экстремистской фактов призыва к насилию и фактов насильственных действий возникла угроза отнесения деятельности к экстремистской не на основе фактов, а на основе субъективных мнений.

После этих изменений то, что в головинском суде дважды не признавалось экстремизмом, стало легко признать экстремизмом¹². И федеральный список экстремистских проявлений стал быстро пополняться, и религиозная литература занимает в нем значительное место.

Причем порой процесс о признании книг экстремистскими превращался в процесс над книгами. По меткому выражению одного монаха: «Обвиняющей стороне в этом случае проще. Книга – ответчик безответный, неодоушевленный, в свою защиту выступить не может и какого бы то ни было соблюдения процессуальных норм не требует. Ей даже адвокат не положен – суди ее, как хочешь. С автором, аргументировано отстаивающим свою позицию, было бы труднее...»¹³.

Как иногда рождается «экстремизм»

Однако нельзя утверждать, что все процессы о признании религиозной литературы экстремистской проходили без привлечения заинтересованных лиц. Однако даже сравнительно открытые судебные процессы свидетельствуют о том, что существует проблема в разрешении данных споров. Первая проблема, на наш взгляд, заключается в том, что после изменения законодательства процесс выявления экстремизма перестал иметь дело с фактами, а стал процессом по истолкованию.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год¹⁴ было упомянуто решение Коптевского районного суда г. Москвы, признавшего «экстремистскими» ряд трудов исламского богослова Саида Нурси. В докладе было указано, что «творчество С. Нурси имеет высокое духовное значение для современного исламского мира, а сам автор входит в число виднейших знатоков и толкователей Священной книги мусульман Корана. Его сочинения издаются во всех мусульманских странах, а также в России. Обращает на себя внимание, что исходное в этом деле обращение прокуратуры Республики Татарстан в Коптевский районный суд (2006 г.)

¹² Что подтверждается судебными актами по делу №41-Г09-29 «О ликвидации и признании экстремистской Местной религиозной организации Свидетели Иеговы "Таганрог", запрете деятельности, осуществлении государственной регистрации в связи с ликвидацией, признании литературы экстремистским материалом и ее конфискации, включении в федеральный список экстремистских материалов, обращении имущества в собственность РФ» (решение Ростовского областного суда от 11 сентября 2009 г., определение ВС РФ 8.12.2009) и др.

¹³ Из надзорной жалобы монаха Афанасия (Усенко Евгения Анатольевича)...

¹⁴ «Российская газета» от 14.03.2008: : <http://www.rg.ru/2008/03/14/doklad-dok.html> (дата обращения 15.08.2010)

инкриминирует гражданам в качестве нарушения Конституции Российской Федерации и законов просто *сам факт их собрания на частных квартирах для ознакомления с религиозной литературой, в том числе с богословскими трудами С. Нурси*. Эти труды были признаны судом экстремистскими только на основе заключения социально-психологической и психолингвистической экспертизы, проведенной сотрудниками Института языкознания и Института психологии РАН. Представленные же стороной защиты многочисленные экспертные заключения российских и международных религиозных центров и богословов, светских научных центров и религиоведов были судом проигнорированы. В своем обращении в Коптевский районный суд Уполномоченный просил отнестись с особым вниманием и осторожностью к решению вопроса, затрагивающего религиозные права и свободы граждан и законно действующих религиозных организаций. Обращение Уполномоченного было также оставлено судом без внимания».

Возможно, испытывая внутреннее несогласие¹⁵ с необходимостью толковать книги, а не факты, некоторые судьи стали прикрываться экспертными заключениями. Причем порой единственная оценка экспертизы заключается в высказывании, что «у суда не имеется оснований не доверять заключениям специалистов, предупрежденных об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ»¹⁶.

Болезнь не критичного отношения к экспертизам развивалась еще в советское время, и в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 года было обращено внимание на «необходимость устранения не критического отношения к заключению эксперта» и оценки экспертизы, как и всех иных доказательств¹⁷. Будь суды вышестоящих инстанций более внимательны к не критичному отношению к экспертизам нижестоящих судов, может быть, не было бы ситуаций, когда «экстремизм» рождается лишь в результате толкования экспертов.

Широко известен случай, когда слова «миру мир», написанные на здании военкомата были экспертизой истолкованы как проявление экстремизма¹⁸.

Не менее курьезные моменты экспертных заключений приведены на сайте Свидетелей Иеговы¹⁹. В качестве примера приведем цитату из оцениваемой книги «Внимайте пророчеству Даниила» и ее оценку экспертами²⁰:

«Гитлер вошел „в соглашение с отступниками от святого завета“. Кто были эти отступники? Очевидно, руководители христианского мира, которые утверждали, что находятся в завете с Богом, но перестали быть учениками Иисуса Христа. Например, он [Гитлер] заключил конкордат с папой римским» (с. 265). «После войны главы церквей старались сохранить эту дружбу, хотя держава проводила политику атеизма» (с. 272)».

Эксперт-религиовед: «Книга на с. 272 содержит высказывание, которое является негативной оценкой деятельности Русской Православной Церкви... Несмотря на то что в тексте нет упоминания РПЦ, фотография православных епископов, размещенная на соседней странице, приводит к мысли о РПЦ. Впрочем, на фотографии изображены сербские епископы, то ли по незнанию, то ли по связи с событиями на Балканах» (с. 16 экспертизы)». Эксперт-лингвист: «Высказывания, которые с точки зрения современного носителя русского языка можно истолковать как приписывание всем представителям христианского духовенства негативных действий» (с. 65 экспертизы)».

¹⁵ Некоторые коллеги утверждают, что данное суждение слишком великодушно, но мы полагаем, что человек всегда осознает, что правильно, а что неправильно, и лишь иногда он не желает знать правды и ищет оправдание этому.

¹⁶ Решение Бугурусланского городского суда Оренбургской области от 6 августа 2007 года по делу №2-554/07; решение Сургутского городского суда от 26.03.2010 по делу № 2-752/2009 и др.

¹⁷ Цит. по кн.: Смирнов С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. СПб. 2004. С. 704.

¹⁸ См.: <http://buryat-mongolia.info/?p=1082> (дата обращения 15.08.2010).

¹⁹ <http://www.jw-russia.org/sudebnyeprotsessy/rostov/publications.htm>

²⁰ «Заключения экспертов по комиссионной комплексной судебной экспертизе» от 15 июля 2009 года, г. Ростов-на-Дону.

В заметке «В России православие признают экстремизмом»²¹ приведены не менее курьезные пассажи экспертов. «Цитата: “У Русской православной церкви есть всё: знание об Истине и Истинном Боге, огромный исторический и духовный опыт, миллионы искренне верующих людей; наконец – хорошо управляемая структура и дисциплинированная организация, построенная по иерархическому принципу”.

Вывод “эксперта”: Высказывание представляет собой простое предложение с однородными подлежащими (знание, опыт, миллионы верующих, хорошо управляемая структура) при обобщающем слове «всё». Утверждение о том, что у Русской православной церкви есть знание об Истине и Истинном Боге, можно рассматривать как пропаганду ее исключительности.

Цитата: “Двигать горы может только вера, родившаяся из чувства. Но верное чувство в России может развиваться только на Православном фундаменте”.

Вывод “эксперта”: В данном предложении утверждается, что чувство в России может развиваться только на православном фундаменте. Употребление ограничительной частицы “только” свидетельствует о том, что в России может быть исключительно православие. Такую информацию можно рассматривать как пропаганду исключительности православия.

Цитата: “Все мы знаем также, что нам, православным христианам, безусловно суждена победа и на земле, и на небе”.

Вывод “эксперта”: Утверждение о том, что православным христианам суждена победа и на земле, и на небе, можно рассматривать как пропаганду исключительности православных христиан. Т. к. слово «суждена», связанное в сознании носителей русского языка с представлением о неизбежности того, что должно произойти, в сочетании со словом «победа», обозначающим «полное поражение противника», и с данным словом со значением уверенности – “безусловно” – свидетельствует о том, что победа православия над остальными религиями заранее предрешена.

Итоговый вывод “эксперта”: “Представленное на исследование печатное издание “Знамя русской победы” направлено на возбуждение ненависти и вражды по признакам национальности и отношения к религии, на унижение достоинства человека либо группы...”

И еще один вывод “эксперта”: Слово “истинный” в русском языке имеет значение “действительный, настоящий, несомненный”. Следовательно, в анализируемых высказываниях утверждается, что православие – это настоящая религия, все остальные религии – ненастоящие. Содержание печатного издания “Третий Рим” направлено на возбуждение ненависти и вражды по признакам национальности и отношения к религии».

Действительно, верующие почти каждой конфессии заявляют, что именно их религия дает правильные ответы на вопросы жизни и мироздания, что, исповедуя только их религию, можно достичь своих целей. Но причина этому не желание кого-либо дискриминировать. Человек, познав то, что помогло ему, хочет также помочь другим и хочет их уберечь от ошибок и заблуждений. Разве такое желание может быть порицаемо? Осуждаемы могут быть только насильственные действия и такие, которые призывают к насилию.

Когда читаешь подобные экспертизы (а они становятся все доступнее для широкой публики), то приходишь к мысли, что экстремисткой является не анализируемая религиозная литература, а ее истолкование экспертом. Однако экстремистской признают литературу, называя ее информационным материалом, а не ее истолкование экспертом. Хотя, по логике, именно экстремистское истолкование и должно быть запрещено.

Должны ли судьи и прокуроры читать оспариваемую литературу?

²¹ [Рудницкий Л.](http://news.km.ru/v_rossii_pravoslavie_priznayut_e) «В России православие признают экстремизмом»: http://news.km.ru/v_rossii_pravoslavie_priznayut_e (дата обращения 15.08.2010).

Порой оценка – истолкование экспертов – явно не соответствует рассматриваемому тексту, и возникает сомнение в том, что инициаторы процесса и суд удосужились прочитать оспариваемую литературу.

Литература признается экстремисткой целым списком в один день (хотя просто прочтение всех книг из списка, даже без анализа потребовало бы несколько месяцев), и снова возникает сомнение в том, что суд был знаком с содержанием книг, признанных им экстремистскими.

Стороны-ответчики в таких процессах, порой просто пораженные разрывом между содержанием оспариваемых текстов и выводами «экспертов», призывали прокуроров сравнить оспариваемый текст и высказать свое суждение²². Каково же было их удивление, когда они узнавали, что прокуроры не только не читали оспариваемых материалов, но и не собираются знакомиться с ними даже в процессе...

Данные факты трудно комментировать, поскольку трудно дать этому разумное объяснение. Суд обязан оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ст. 67 ГПК РФ). Прокурор – «око государево», он тоже должен осуществлять свою деятельность на основании своего внутреннего убеждения²³, основанного на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Можно ли предположить, что экстремизм в литературе настолько латентен, настолько скрыт, что при простом прочтении его не обнаружить? Однако, если так, сразу же возникает вопрос: а может, экстремизм содержится лишь в толкованиях «эксперта»?

Или прокурор, прочитавший оспариваемую литературу, настолько внушаем, что проникнется изложенными идеями и уже не сможет убедительно выступать в суде? Либо, прочитав, прокурор поймет, что поддерживает необоснованные требования? В этом случае непрочтение – это способ снятия с себя ответственности, хотя, впрочем, это больше напоминает позицию страуса, спрятавшего голову в песок. Ведь рано или поздно правда восторжествует, и после очередного проигрыша в ЕСПЧ прокурор, упорно не желавший ничего знать и лишь исполнявший приказ, может стать тем лицом, которое обязано возместить убытки федеральному бюджету в результате выплат по Постановлению ЕСПЧ.

Мы все же полагаем, что сотрудники правоохранительных органов так же, как и все остальные люди, наделены разумом и совестью (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека), и их деятельность связана с обязанностью признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ). В правовом государстве ситуация, когда должностные лица избегают знания фактов и действуют лишь на основе мнений, недопустима.

Христианский апологет II века Августин-мученик, не имея возможности апеллировать к Конституции, ни к международным договорам о защите прав и свобод человека, искал защиту в разумности и справедливости. Так, в своем письме императору Антонин Пию он писал: «Я подаю Вам записку не с тем, чтобы льстить Вам или говорить в Ваше удовольствие, но чтобы требовать у Вас справедливости, какую требует разум. Наша просьба ни неразумна, ни дерзка. Мы ничего не требуем, только чтобы жалобы на нас строже исследовались, и, если они будут основательными, наказывали нас как следует – строго; но если они окажутся не доказанными, то здравый разум не велит по одной молве оскорблять людей невинных или лучше самих себя, когда Вы действуете не по справедливости, а по страсти. Наша обязанность объявлять о наших действиях и учении, чтобы мы не были ответственны за преступления, в которых нас обвиняет невежество и слепота; Ваша же обязанность, которую предписывает Вам разум, – это исследовать дело

²² Автор интервьюировал несколько адвокатов и юристов, участвовавших в процессах о признании книг экстремистскими.

²³ Наличие такого убеждения избавит от принятия ошибочных действий, основанных на распоряжениях руководства, данных без должной информированности.

и поступать, как следует хорошим судьям. Властители, которые предпочитают пустые толки истине, – то же, что разбойники в пустыне»²⁴.

Наличие в настоящее время большего количества средств правовой защиты отнюдь не преуменьшает значения защиты, основанной на требованиях справедливости и разумности.

Впрочем, без соблюдения требований разумности и справедливости защита, предоставляемая Конституцией РФ и международными договорами о защите прав и свобод человека, может не срабатывать.

В 2009 году Комитет по правам человека, действующий на основе полномочий, предоставленных Международным пактом о гражданских и политических правах (далее – Пакта), рассмотрев Шестой периодический доклад Российской Федерации (CCPR/C/SR.2681) принял заключительные замечания, в которых обратил внимание на проблемные моменты применения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», рекомендовав, в частности, принять все меры по обеспечению независимости экспертов, на заключениях которых основываются решения судов, и гарантировать право обвиняемого на контрэкспертизу с привлечением альтернативного эксперта, то есть обеспечить выполнение требований ст.14 Пакта²⁵.

Но самое главное, на наш взгляд, не просто независимость экспертов, а добросовестность правоприменителей, которые должны оценивать факты и доказательства с учетом требований разумности и справедливости. Наверное, был прав Р. Иеринг, утверждая, что юриспруденция есть осадок здравого разума в вопросах права²⁶.

Здравомыслие – это лучший инструмент для разрешения споров и отправления правосудия.

Уроки Европейского Суда по правам человека

Подписав и ратифицировав Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция), Россия взяла на себя не только обязательство по защите прав и свобод человека, гарантируемых Конвенцией, но и признала обязательность толкований Европейского Суда по правам человека (ст.1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» и п. 32 Конвенции в редакции Протокола №11).

Конституционно-правовое толкование Конвенции и Постановлений ЕСПЧ было дано в пункте 2.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П²⁷.

«... Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права».

Учитывая, что права и свободы человека являются непосредственно действующими (ст.18 Конституции РФ), то толкования ЕСПЧ служат средством лучшего

²⁴ Цит. по кн.: Прокошев П. Церковное судопроизводство в период вселенских соборов и влияние на него римско-византийского процессуального права. Казань. 1900. С. 72 – 73.

²⁵ http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/CCPR.C.RUS.CO.6_ru.doc (дата обращения 15.08.2010).

²⁶ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб. 1905. С. 15.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ “Нижнекамскнефтехим” и “Хакасэнерго”, а также жалобами ряда граждан».

понимания того, как правильно защищать права и свободы человека. Знание практики ЕСПЧ позволяет прогнозировать последствия того или иного вмешательства в права и свободы человека.

В Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации усилил ранее выработанные подходы к значению правовых позиций, содержащихся в постановлениях ЕСПЧ, указав, что содержание конституционных прав и свобод следует определять во взаимосвязи с корреспондирующими им положениями Конвенции²⁸.

Это порождает обязанность всех правоприменителей учитывать правовые позиции ЕСПЧ. Надо отметить, что ЕСПЧ уже имеет обширную практику в области защиты свободы выражения мнений²⁹. ЕСПЧ «напоминает, что свобода выражения мнения составляет одну из основ демократического общества и одно из главных условий для его прогресса. С учетом положений пункта 2 статьи 10 она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие, шокирующие или причиняющие беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно "демократическое общество"»³⁰.

Статья 10 Конвенции защищает в том числе особый, критический взгляд члена религиозной организации на борьбу и злоупотребления властей в отношении религиозных сект (Постановление ЕСПЧ по делу «Патюрель против Франции» от 22.03.2006³¹).

Но Конвенция не защищает призывов к насилию, в качестве примера приведем одно из дел, рассмотренных ЕСПЧ.

Урок ЕСПЧ – дело о нарушении свободы совести

Конвенция, как разъяснил ЕСПЧ, возлагает позитивные обязательства на государства по защите от возбуждения религиозной ненависти с использованием средств массовой информации и осуществлением насильственных действий на религиозной почве. Наиболее подходящим примером такого толкования может явиться Постановление ЕСПЧ

²⁸ Голубок С.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации: начало петербургского периода и несколько слов в защиту периода московского // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. №6 (73). С. 156; Голубок С.А. Постановление Конституционного Суда России от 26 февраля 2010 г. № 4-П: есть ли суд после Суда? // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. №3 (76). С.162.

²⁹ Более подробно о практике ЕСПЧ по ст. 10 Конвенции см.: Стандарты Европейского Суд по правам человека и российская правоприменительная практика. Под ред. Воскобитовой М.Р. М.2005. С. 364-420; Свобода выражения мнения в правовых позициях Европейского Суд по правам человека. Под ред. Берестнева.Ю.Ю. М. 2004. Том 1, 2; Комментарий к Конвенции о защите прав и основных свобод человека и практике ее применения. под ред. Гуманова В.А., Энтина Л.М. М.2002. С.164-186; Мигеле де Сальвиа Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб. 2004. С. 619–687; Кучин М.В. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека. Екатеринбург. 2004. С. 307–352; Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М. 2007. С. 147–155; Круг П., Свонн П. Статья 10 Европейской Конвенции по правам человека в прецедентном праве Европейского Суда по правам человека. <http://www.medialaw.ru/article10/5/6.htm> (дата обращения 15.08.2010);

³⁰ Цит. по п. 35 Постановления ЕСПЧ от 8 октября 2009 г. по делу «Романенко и другие (Romanenko and Others) против Российской Федерации» (жалоба N 11751/03).

³¹ Цит. по кн.: Маранов Р.В. Практика Европейского Суда по правам человека по делам о свободе совести. М. 2009. С. 134.

по делу «97 членов Глданской общины религиозной организации “Свидетели Иеговы” и четверо других заявителей против Грузии» от 2 мая 2007 г.³²

Заявители жаловались на то, что экстремисты из числа православных верующих под предводительством лишённого сана священника учинили погром собрания иеговистов, избивали и всячески их унижали, сжигали принадлежащую им литературу. При этом, как утверждают заявители, в связи с актами насилия и вандализма в отношении иеговистов правоохранительные органы проявили пассивность и практически потворствовали погромщикам; не было проведено эффективного расследования по жалобам потерпевших, и нападавшие не были привлечены к ответственности, то есть государство не приняло мер, чтобы предупредить акты насилия на религиозной почве и наказать виновных. В постановлении ЕСПЧ было отмечено, что «одному из заявителей полицейский сказал, что он “еще и не то бы устроил” свидетелям Иеговы. Один из участников нападения производил видеосъемку. Запись, на которой можно было опознать ряд нападавших, транслировалась государственным телеканалом, их имена были сообщены властям потерпевшими». Но в дальнейшем надлежащего расследования так и не было произведено. В данном деле ЕСПЧ установил не только нарушение ст. 3 Конвенции, но и ст. 9 Конвенции. По поводу соблюдения требований ст. 9 Конвенции. На заявителей было совершено нападение, они были унижены и жестоко избиты по мотиву их религиозных убеждений. Нападавшие отобрали религиозную литературу заявителей и сожгли ее у них на глазах. Одному из заявителей обрили голову в качестве религиозного наказания. В дальнейшем заявители столкнулись с полным безразличием и бездеятельностью со стороны властей, которые не предприняли каких-либо мер по их жалобам вследствие их принадлежности к религиозной общине, воспринимаемой как угроза православной церкви. Будучи лишены средств правовой защиты, заявители не могли добиться реализации своих прав на свободу религии в судах страны. Поскольку нападение представляло собой первый акт широкомасштабной агрессии против членов религиозного сообщества свидетелей Иеговы, небрежность со стороны властей способствовала распространению насилия по религиозным мотивам со стороны той же группы по всей Грузии, что заставляло заявителей бояться нового нападения на последующих религиозных мероприятиях. В данных обстоятельствах власти не выполнили свою обязанность принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы группа радикально настроенных приверженцев православия терпимо относилась к религиозной общине заявителей и позволяла им свободно осуществлять право на свободу религии.

В данном деле ЕСПЧ установил также факт дискриминации (нарушение ст. 14 Конвенции, взятой вместе с ст. 3 и ст. 9), поскольку отказ полиции своевременно вмешаться был в значительной степени обусловлен религиозными убеждениями заявителей. Комментарии и позиция должностных лиц, получивших сообщение о нападении или впоследствии назначенных вести расследование, были несовместимы с принципом равенства всех перед законом. Государство-ответчик позволило зачинщику нападений и далее возбуждать религиозную ненависть с использованием средств массовой информации и осуществлять насильственные действия в сопровождении сторонников, дав им основания полагать, что они пользуются неофициальной поддержкой со стороны властей.

Основной урок данного дела заключается в том, что власти стран-участниц Конвенции, а не только Грузии, обязаны принимать необходимые меры для обеспечения того, чтобы группа радикально настроенных приверженцев той или иной религии терпимо

³² См.: Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. № 9-10, 2008; см также Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2007 год под ред.: Берестнев Ю.Ю., Руднев В.Н. М. 2009. С. 66–68, 209.

относилась к другим религиозным общинам и не препятствовала им в свободном осуществлении право на свободу религии.

Урок ЕСПЧ – продолжение «головинского дела»

Как мы уже писали выше, решение головинского суда о запрете религиозной общины Свидетелей Иеговы г. Москвы стало основанием для обращения в ЕСПЧ.

Заявители утверждали, что «отрицательные выводы, к которым пришли российские суды в отношении Общины-заявителя, не были основаны на достоверных и подтвержденных фактах. Все выводы основывались лишь на оценке литературы Свидетелей Иеговы, и никаких признаков того, что кто-либо из членов Общины-заявителя был вопреки своей воле принужден действовать определенным образом, указаны не были. Все публикации поступают из одного и того же источника – главного управления Свидетелей Иеговы, направляются в более 200 стран мира, в т.ч. 45 государств-членов Совета Европы, на 150 языках отдельных народов и сохраняют при этом свое содержание неизменным. И даже при этом никаких решений о признании граждан виновными в совершении уголовно наказуемых деяний, связанных с данной литературой, не было вынесено ни в Российской Федерации, ни в других странах со схожим законодательством. В ходе разбирательства по данному делу никаких конкретных “действий” со стороны Общины-заявителя не исследовалось. С другой стороны, по крайней мере 14 дней судебного заседания были полностью посвящены обсуждению Священного Писания и назначенная судом психолого-лингвистическая экспертиза содержала ссылки на не менее 205 библейских вопросов, многие из которых зачитывались и обсуждались на стадии исследования доказательств по делу. ...Кроме того, полный запрет и ликвидация группы христиан, исповедующих свои религиозные убеждения в г. Москве, не были соразмерны какой бы то ни было угрозе, которая, как утверждалось, неизбежно создается литературой, и не подтверждались фактами о каких-либо “действиях” или “деятельности” заявителей. ... заявители указали на то, что запрет деятельности Общины-заявителя имел многочисленные негативные последствия для ее членов. Осуществляя свое христианское служение, они подвергались нападениям и избиениям, но власти при этом не обеспечивали восстановление их в правах. Им приходилось стоять на улице под дождем после того? как был заблокирован вход в помещение, арендованное ими для проведения христианского собрания, а также проводить свои встречи в лесу, поскольку они уже не могли использовать для этой цели зал. Ввиду того что Община в г. Москве была лишена статуса юридического лица, у нее уже не было возможности строить и арендовать места для проведения богослужений, приобретать, ввозить и распространять религиозную литературу и т.д.».

Как мы видим, в заявлении были указаны разного рода несправедливости, что создает проблемы при комментировании данного дела, в котором достаточно подробно разобраны все моменты жалобы с разъяснением европейских стандартов, применимых к рассматриваемой ситуации. Поэтому, учитывая цели настоящей статьи, остановимся лишь на вопросах оценки религиозных убеждений и литературы.

Российские власти возражали против требований заявителей и указывали, что распространяемая Общиной-заявителем литература содержит взгляды и идеи, подрывающие уважение к другим религиям.

Согласно письменным замечаниям российских властей, от «традиционных религий» Свидетелей Иеговы отличает «резкая теократическая иерархия» Общины, «бездумное подчинение» отдельных ее членов, стремление к интеграции семей в жизнь «тотально властного внесветского коллектива» и «военизированная дисциплинарность». Тем не менее российская сторона утверждала, что в ходе процесса по делу о ликвидации Общины суды не производили оценки вероучения и взглядов Свидетелей Иеговы, а лишь исследовали вопрос о соответствии деятельности Общины-заявителя как юридического лица российскому законодательству и соблюдении ею прав и свобод других лиц, а также заверяла, что вмешательство в форме ликвидации Общины-заявителя было

обоснованным, предусмотрено законом и отвечало что государство «вправе проверять, не наносит ли вред населению деятельность движений или объединений, преследующих якобы религиозные цели»³³ и «может правомерно посчитать необходимым принятие мер против определенных форм поведения, включая распространение информации и идей, которые несовместимы с уважением свободы мысли, совести и религии других лиц»³⁴.

В Постановлении по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года ЕСПЧ, прежде чем оценить доводы сторон существу, напомнил о своей уже сформировавшейся судебной практике – в соответствии со статьей 9 Европейской конвенции **свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу Европейской конвенции**. Именно религиозный параметр является одним из тех основных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. На нем основывается плюрализм, не отделимый от демократического общества и завоеванный дорогой ценой на протяжении веков³⁵. Религиозная свобода, будучи прежде всего делом совести каждого отдельного человека, предусматривает, *inter alia*^{*}, свободу «исповедовать [свою] религию» индивидуально, частным порядком или сообща с другими, публичным порядком или в кругу соверующих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организованных структур, необходимо толковать статью 9 Европейской конвенции в свете статьи 11 Европейской конвенции, которая предусматривает гарантии против необоснованного вмешательства государства в деятельность объединений. С учетом этого право верующих на свободу религии, включающее в себя право исповедовать свою религию сообща с другими, дает основания ожидать, что верующим будет разрешено свободно вступать в объединения без произвольного вмешательства государства. Действительно, независимое существование религиозных сообществ – неотъемлемое условие плюрализма в демократическом обществе и, соответственно, ключевой объект защиты, гарантированной статьей 9 Европейской конвенции. В соответствии с судебной практикой Европейского суда, обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений³⁶.

Оценивая доводы жалобы и решение Головинского районного суда, ЕСПЧ пришел к выводам, что доводы решения не подтверждены фактами, что оценка суда не была беспристрастной и непредвзятой. Так, в Постановлении ЕСПЧ отметил, что выводы Головинского районного суда о нарушении прав детей Свидетелей Иеговы тем, что библейские тексты ограничивали возможность их самостоятельного мышления, препятствовали формированию у них чувства патриотизма и делали их изгоями в социальной среде, были сформулированы со ссылкой на показания экспертов со стороны обвинения и родственников, проявлявших открытую враждебность к религии Свидетелей Иеговы. Тем не менее районный суд, как видно, не уделил внимания тому, чтобы допросить самих детей, их преподавателей, социальных работников и других родственников. Ввиду отсутствия подобных доказательств, полученных непосредственно

³³ См. п. 40 Постановления Европейского суда от 26 сентября 1996 г. по делу «Мануссакис и другие против Греции» (Manoussakis and Others v. Greece), Отчеты (Reports) 1996-IV.

³⁴ См. п. 47 Постановления Европейского суда от 20 сентября 1994 г. по делу «Институт Отто Премингера против Австрии» (Otto-Preminger-Institut v. Austria), Серия (Series) A, № 295-A.

³⁵ См. п. 114 Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova) по жалобе № 45701/99, ECHR 2001-XII.

* Примечание переводчика: *inter alia* (лат.) – между прочим, в числе других.

³⁶ См. п. п. 118 и 123 вышеуказанного Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии [и другие против Молдовы]» (Metropolitan Church of Bessarabia [and Others v. Moldova]); и п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria [GC]) по жалобе № 30985/96, ECHR 2000-XI.

от этих лиц, в подтверждение указанных выводов, нельзя признать эти выводы основанными на должной оценке фактов, имеющих значение по делу.

Приведем пример того, как происходили выступления экспертов обвинения: «указав, что случаи освидетельствования лиц, направленных для определения причинения вреда их здоровью от деятельности организации «Свидетели Иеговы» неизвестны, руководитель группы по разработке материалов о негативных медико-социальных последствиях деятельности в России организаций, имеющих характер деструктивных, тоталитарных сект Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского проф. Кондратьев Ф.В. реализует себя в качестве теолога. *«Богословие свидетелей Иеговы крайне примитивно, противоречиво и ориентировано на людей, не знающих Православия, начал истории религии, философии и физики...»*. Далее, видимо, проф. Кондратьев Ф.В. совмещает функции психиатра и проповедника: *«Многие рядовые члены секты искренне и фанатично уверены в благородности и правдивости своей миссии, страстно отстаивают свои взгляды. Так как они не желают вслушиваться и вдумываться в возражения, то очень трудно раскрыть им их ошибки»*. В заключении делается вывод о том, что *«практика и наставления организации» направлены «на противопоставление или уничтожение традиционной духовности народов Российской Федерации»*³⁷. Конечно же у любого юриста, а не только у суда, по ознакомлении с таким заключением должен был возникнуть вопрос: насколько психиатр вправе давать такие заключения? Наверное, стремление экспертов выходить за пределы своей компетенции существует с тех пор, как они появились в судебном процессе. По крайней мере, то, что *«заключения экспертов всегда крайне решительны и безапелляционны, как бы ни был скуден материал, на котором эти заключения строятся, как бы мало он ни подкреплял этих заключений, как бы мало сами заключения ни соответствовали науке ...»*³⁸, было замечено еще в XIX веке. Причем *«авторитетностью своего заключения эксперты предрешают все дело, устраняют участие собственно суда и как бы устраняют всякую возможность других доказательств, другой более широкой оценки... наука не дает экспертам ни права, ни средств для разрешения этих широких вопросов; а потому ясно, что эксперты, в действительности, оставляя всегда прочную и однообразную, неизменную почву науки и продолжая лишь говорить от ее имени, судят о деле с чисто личных произвольных точек зрения, а эти точки зрения меняются, если не с каждым делом, то с каждым экспертом»*³⁹.

Поэтому суд должен основывать свое решение на тщательном анализе всех доказательств и критически относиться к экспертизам, а не слепо им доверять. Еще в советское время в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР №1 от 16 марта 1971 года было обращено внимание на *«необходимость устранения не критического отношения к заключению эксперта»* и оценки экспертизы, как и всех иных доказательств⁴⁰.

В рассматриваемом случае предвзятость экспертов и свидетелей обвинения суд мог установить и без Постановления ЕСПЧ. Так, адвокат, представлявший религиозную общину Свидетелей Иеговы в головинском суде, писал: *«... свидетели обвинения, среди которых члены антикультистских комитетов и психиатры, полагающие возможным лечить инаковерие в психиатрических реабилитационных учреждениях. 29 сентября 1998 г. прокурор ходатайствовал о добавлении к этому списку А.Л. Дворкина»*⁴¹ – сотрудника

³⁷ Крылова Г.А. [Нацизм, коммунизм и «традиционный образ жизни» – История Свидетелей Иеговы во время судебного процесса](http://www.jw-russia.org/sudebnyeprotsessy/moscow/historycom_u.htm) статья доступна в сети Интернет: http://www.jw-russia.org/sudebnyeprotsessy/moscow/historycom_u.htm (дата обращения 15.08.2010).

³⁸ Гогель С. Суд присяжных и экспертиза в России. Ковна. 1894. С. 8,18.

³⁹ Там же. С. 37-38

⁴⁰ Цит. по кн.: Смирнов С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. СПб. 2004. С. 704.

⁴¹ Нежный А.И. Уроки сектоведения. Московские новости, 12.01.1999. http://yro.narod.ru/bibliotheca/Religioved/Yroki_sektoveden/Yrok_sektovedeniya.htm (дата обращения 15.08.2010); Владимиров А. В поисках православия. Современники. М. 2000. http://svitk.ru/004_book_book/11b/2470_vladimirov-v_poiskah_pravoslaviya.php (дата обращения 15.08.2010); см. также: <http://about-dvorkin.narod.ru/all.htm> (дата обращения 15.08.2010).

Московской Патриархии, неоднократно публично утверждавшего о мафиозности “сект”, к которым он относил и Свидетелей Иеговы, А.Н. Хвыли-Олинтера, до сей поры боровшегося против кришнаитов, но под угрозой судебного иска заключившего с ними мировое соглашение, и Метлик И.В., так называемого “эксперта”, открыто объявившей себя сторонником Русской Православной церкви. Суд согласился на расширение списка свидетелей прокурора, несмотря на возражения представителей Свидетелей Иеговы, указывавших на их заведомую ангажированность»⁴².

Но суд не выполнил свои обязанности по оценке беспристрастности экспертов и свидетелей, что повлекло вынесение неправоудного акта и признание ЕСПЧ нарушения Россией конвенционных прав и свобод человека.

ЕСПЧ в комментируемом Постановлении также указал, что национальные суды истолковали положения ФЗ «О свободе совести...» как не требующее предоставления доказательства реального причинения вреда жизни или отдельным органам тела. [Согласно толкованию, данному национальными судами,] тот факт, что в своей религиозной литературе Община-заявитель провозглашала важное доктринальное значение воздержания от переливания крови и распространяла среди своих членов бланки карточек «Никакой крови», мог сам по себе быть достаточным основанием для инициирования запрета ее деятельности. Этот вывод привел к тому, что отдельные учения Свидетелей Иеговы, связанные с отказом от медицинского лечения, были признаны незаконными, и привел к тому, что их религиозные убеждения по поводу святости крови были признаны нелегитимными.

Тем не менее Европейский суд напоминает, что в соответствии с Европейской конвенцией государство не надделено правом выносить решение о том, каким верованиям можно обучать, а каким нет, поскольку гарантированное Европейской конвенцией право на свободу религии исключает какую-либо свободу действий со стороны государства по определению легитимности религиозных верований или средств, используемых для их выражения⁴³.

В итоге ЕСПЧ пришел к выводу, что вмешательство в права заявителей на свободу религии и объединений было необоснованным. Национальные суды не представили «относимых и достаточных» оснований, свидетельствующих о том, что Община-заявитель принуждала к разрушению семьи, нарушала права и свободы своих членов и третьих лиц, склоняла своих последователей к самоубийству и отказу от оказания медицинской помощи, посягала на права родителей, не являющихся Свидетелями Иеговы, и их детей, а также побуждала своих членов к отказу от исполнения установленных законом обязанностей. Санкция, назначенная российскими судами, имела чрезвычайно суровый характер ввиду негибкости национального законодательства и не была соразмерна какой-либо преследуемой легитимной цели. Следовательно, имело место нарушение статьи 9 Европейской конвенции, взятой в совокупности со статьей 11 Европейской конвенции.

Какие же уроки можно извлечь из данного Постановления? Прежде всего, нужно в полной мере осознать и учитывать в правоприменительной практике, что свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества».

Затем следует учесть, что государство не надделено правом выносить решение о том, каким верованиям можно обучать, а каким нет, поскольку гарантированное Европейской конвенцией право на свободу религии исключает какую-либо свободу действий со стороны государства по определению легитимности религиозных верований или средств, используемых для их выражения.

⁴² Крылова Г.А. [Описание судебного заседания о ликвидации религиозной общины Свидетелей Иеговы в г.Москве](http://www.jw-russia.org/sudebnyeprotsessy/moscow/19980930com_u.htm). Статья доступна в сети Интернет по адресу: http://www.jw-russia.org/sudebnyeprotsessy/moscow/19980930com_u.htm (дата обращения 15.08.2010).

⁴³ См п. 47 Постановления Европейского суда делу «Мануссакис и другие [против Греции]» (Manoussakis and Others [v. Greece]).

Также необходимо иметь в виду, что суды не должны выносить решения, основываясь на мнениях, а должны руководствоваться фактами, которые должны быть подвергнуты беспристрастной и непредвзятой оценке.

Законодателю нужно учесть, что законы должны соответствовать требованиям Конвенции, а правоприменителю нужно помнить, что нормы Конвенции в их толковании, даваемом ЕСПЧ, имеют приоритет над нормами национального законодательства.

Вместо эпилога

Закачивая статью, напомним, что европейские стандарты – это прежде всего надлежащий учет уроков истории, горького опыта борьбы за свободу личности от необоснованных ограничений, опыта, который послужил основанием для принятия Всеобщей декларации прав человека.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод была принята лишь в качестве первых шагов по реализации Всеобщей декларации прав человека, и ЕСПЧ следит, чтобы страны-участницы не делали «шагов назад»...

Почти каждая европейская страна, а не только Россия, имеет негативный опыт подавления свобод человека и в том числе опыт борьбы с инакомыслием. Задача любой страны-участницы Конвенции – не воспроизводить свой негативный опыт и защищать права и свободы. В России история борьбы с инакомыслием достаточно длительная, но извлечены ли из этого надлежащие уроки? К сожалению, иногда мы видим воспроизведение прежних методов борьбы с инакомыслием, разве что уже под знаменем не воинствующего атеизма, а борьбы с экстремизмом. Псевдоборцы с экстремизмом причиняют не меньший вред правам и свободам, чем настоящие враги прав и свобод человека. Их деятельность не только вынуждает Россию платить по Постановлениям ЕСПЧ, не только подрывает авторитет России на международной арене, но, самое главное, подрывает у граждан доверие к государству. Доверие – без него не построишь демократического правового государства, в котором гражданское общество помогает государству в развитии свободного общества свободных личностей.

Полагаем, что Россия, провозгласив себя демократическим правовым государством, должна и может сама осознать прежний негативный опыт подавления инакомыслия и на основе этого реализовывать политику защиты прав и свобод человека как основного предназначения государства (ст. 2 Конституции РФ). Конечно, после очередного Постановления ЕСПЧ, в котором Россия в очередной раз признана нарушителем Конвенции, может возникнуть желание спорить и не соглашаться с этим фактом. Но ЕСПЧ – лишь помощник стран-участниц, который помогает увидеть просчеты в национальной системе защиты прав и свобод человека, дабы страна-участница Конвенции приняла необходимые меры для того, чтобы не только восстановить уже нарушенные права, но и сделать так, чтобы такое или подобное нарушение не повторялось.

На семинаре «О роли представителей государственной власти в обеспечении эффективной защиты прав человека», состоявшемся в г. Братислава 3 апреля 2008 г., заместитель генерального секретаря Совета Европы г-жа Мод де Бур-Букиккио подчеркнула, что представители государственной власти должны быть не только представителями государства в Страсбурге, а также и представителями системы Конвенции в своих столицах⁴⁴. Благодаря своему полному знанию прецедентного права Страсбургского суда они могут играть роль «правовых сторожей» и предупреждать национальные органы власти о важных изменениях в прецедентном праве суда и не только о тех, которые касаются конкретно их стран, но и тех, которые могут оказывать влияние на внутренние правовые системы. Также она обратила внимание на то, что

⁴⁴ Речь заместителя генерального секретаря Совета Европы г-жи Мод де Бур-Букиккио была доступна на сайте Совета Европы по адресу URL: <http://www.coe.int/DefaultRU.asp> (дата обращения 15.05.2008)

представители государства играют важную роль в структуре исполнения решений суда, поскольку в большинстве случаев они хорошо подготовлены в плане инициирования и координирования, принятия различных мер на национальном уровне.

Безусловно, нельзя не согласиться с позицией г-жи Мод де Бур-Букиккио. Деятельность Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ должна в полной мере соответствовать этим требованиям и заключаться, в том числе, и в «принесении прав человека домой». По всей видимости, именно поэтому и была уточнена компетенция Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации⁴⁵:

«...обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при исполнении ими постановлений Суда и решений Комитета министров Совета Европы в связи с жалобами о нарушении Российской Федерацией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая восстановление нарушенных прав заявителей, выплату им присужденной Судом денежной компенсации и **принятие мер общего характера, направленных на устранение и (или) предотвращение нарушений Российской Федерацией положений указанной Конвенции ...**».

Опубликовано в журнале «Неволя» №22, 2010, С.60-84

⁴⁵ Указом Президента РФ от 6 июля 2010 г. № 836 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 “Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации” и в Положение, утвержденное этим Указом» URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1288932> (дата обращения 15.08.2010)